

УДК 82.09
ББК 83.3

Вещь – символ: миграция и трансформация сюжета

Виктория Валентиновна Мочалова

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-3429-222X

Кандидат филологических наук

Заведующая Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН

E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.9

Аннотация: В статье рассматривается превращение вещи (дудочки) в символ, трансляция этого мотива, его рецепция и метаморфозы смысла. В цикле хасидских историй, связанных с Баал-Шем-Товом, присутствует мотив дудочки-свистульки, на которой играет несмышленный мальчик, как бы нарушающий святость праздника Йом Кипур, но получающий одобрение Бешта и «улыбку Бога». Эренбург включает эту историю в значимый финал своего романа «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1927) о незадачливом, но «святом» простаке. В понимании Переца Маркиша, дудочка – это символ искусства, у Александра Галича дудочка из этого сюжета становится символом спасения, а у бардов 1960-х годов – сопротивления искусства.

Ключевые слова: *Хасидская история, И. Эренбург, П. Маркиш, А. Галич*

Среди хасидских легенд, собранных Мартином Бубером и связанных с Исраэлем бен-Элиезером, Баал-Шем-Товом [ср. Rosman 1996; Rosman 2013], приведена история о прихожанине его синагоги, который привел на Йом-Кипур своего скудоумного сына, не умевшего даже читать и не ведавшего никаких правил. Во время богослужения мальчик совершил нечто совершенно неуместное: он достал свою дудочку (Pfeifchen) и заиграл на ней к ужасу и негодованию присутствовавших. Баал-Шем-Тов, однако, неожиданно положительно резюмирует произошедшее: «Суровый приговор отменен, и гнев рассеян с лица земли» («Das Verhängnis ist durchbrochen und der Zorn zerstreut vom Angesichte der Erde») [Buber 1908, 19–20].

Существуют разные варианты этой истории, сюжет которой остается при этом неизменным: простодушный мальчик (его возраст варьируется в разных переложениях от 3 до 13 лет) совершает – ко всеобщему возмущению единоверцев – непозволительное действие во время синагогальной службы, однако его (парадоксально) благоприятный результат и положительная реакция Баал-Шем-Това свидетельствуют об уместности и благотворности этого действия.

Негативная реакция присутствующих в синагоге членов общины контрастирует с поведением Баал-Шем-Това: он продолжал невозмутимо молиться, причем гораздо радостнее и легче, чем обычно. Позднее он сказал: «Этот мальчик облегчил мне молитву» [Бубер 1997, 81; Бубер 2006, 87]. Здесь очевидно присутствует или даже доминирует столь важный в хасидизме мотив простеца, невежды (каковым многие считали и лидера движения), чья бесхитростная «молитва» (более) угодна Богу, часто встречающийся в легендах этого круга. Достаточно вспомнить такие истории, как «Простота», где Бешт, преодолевший много ступеней в служении Богу, позволяет себе удалиться от них всех и, держась **простой веры**, изготовить из себя сосуд для Господа, ибо «Господь хранит **простецов**» [Бубер 1997, 80; Бубер 2006, 85]; или «Молитва в поле» – о молитве не в *миньяне*, как полагается, а в одиночестве в чистом поле, по поводу которой Бешт сказал, что она «превозмогла все молитвы, произнесенные когда-либо на этом поле» [Бубер 1997, 78; Бубер 2006, 83]¹; или «Чулочник» – о глупце, который ежедневно ходил в дом молитвы и никогда не сворачивал со своего пути, «даже если его позовет сам император», и Баал-Шем сказал о нем своим ученикам: «Сегодня вы лицезрели краеугольный камень, на котором держится весь Храм до прихода Мессии» [Бубер 1997, 80].

Хасидский образ жизни и идеология полагают большую ценность в «служении Творцу», чем в учености. «У меня нет времени учиться, – говорит в легенде “Ученые” Бешт, – потому что я обязан служить своему Творцу», и эти слова побуждают его внука, посвятившего всего себя учению, вернуться к хасидскому образу жизни [Бубер 1997, 78; Бубер 2006, 83–84].

Еще один аспект взаимодействия и соединения простоты, заземленности и возвышенности, утонченности в «служении» хасидского цадика присущ представлению о возможности служения Богу на всех

¹ Ср. одноименную историю в: Шивхей Бешт 2010, 448.

уровнях, если и когда цадик видит свой «источник» (совершенство) и достигает «Ничто». В этом случае он стоит перед Богом, как мальчик-посланник, готовый ко всем видам служения, которые ему укажет Бог, ко всему, что его Господь будет повелевать ему [Vuber 1908, 20].

Хасидскую историю о дудочке Илья Эренбург, упоминавший об этом в своих мемуарах, вместе с Перцем Маркишем слышали в парижском кафе «Ротонда» во второй половине 1920-х гг. от кого-то из своих собеседников, вероятно, от Ойзера Варшавского², идишского писателя из Польши. В этом пересказе история о дудочке не была напрямую связана с Бештом, в центре ее стоял некий знаменитый волинский цадик, проводивший службу в Судный день в местечке, где «как и повсюду, были богачи, дававшие деньги в рост, домовладельцы, купцы, были люди, мечтавшие правдой и неправдой разбогатеть; словом, неправедных было вдоволь». По лицу цадика было видно, что «Бог рассержен злыми делами обитателей местечка», и «все ждали сурового приговора». И хотя цадик просил Бога отпустить людям грехи, «Бог прикидывался глухим. Вдруг тишину нарушила маленькая дудочка». На ней заиграл маленький сын бедного портного, на которого все накинулись с криками: «Вот за такие выходы Господь покарает местечко!.. Но цадик увидел, что суровый Бог не выдержал и улыбнулся» [Эренбург 1966, 486–487].

Эта история произвела впечатление и на Эренбурга, позднее включившего ее в свой роман о «еврейском Швейке», знатке хасидских легенд – «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» (1927), и на Маркиша. По свидетельству Эренбурга, взволнованный Маркиш, услышав эту историю, воскликнул: «Да это об искусстве!..», а потом «неожиданно (разговор был о чем-то другом) сказал: “Но сейчас мало дудочки, сейчас нужна труба Маяковского...”». По мнению Эренбурга, считавшего Маркиша поэтом *par excellence*, «в этой фразе было объяснение многих трудных лет его жизни. Он не был создан ни для

² Ойзер Варшавский (1898, Сохачев – 1944, Освенцим) – еврейский писатель, связанный с художественной авангардистской группой «Халястре» (банда, орава, шайка), куда входили, в частности, У.-Ц. Гринберг и П. Маркиш. С 1924 г. Варшавский жил в Париже, где совместно с П. Маркишем редактировал вторую антологию «Халястре», иллюстрированную Марком Шагалом. Варшавский получил известность как автор романа «Контрабандисты» («Di Schmuglers», 1920), переведенного на иврит и русский язык (1923). Варшавский, по всей вероятности, мог быть знаком с собранием хасидских легенд М. Бубера.

громких призывов, ни для эпических поэм, **был поэтом с дудочкой, издававшей чистые, пронзительные звуки.** Но воображаемого Бога, способного улыбнуться, не оказалось, а век был шумным, и уши людей порой не различали музыки» [Эренбург 1966, 487–489].

Дудочка в этом понимании становится символом искусства, одновременно и хрупкого, и обладающего силой воздействия³, по крайней мере, на тех, кто был способен различать музыку. Эренбург интерпретирует трагическую судьбу Маркиша как поэта и человека в контексте этой хасидской легенды, сближая его с образом ребенка (он отмечал и его неизменно юношеский облик).

В переложении этой легенды, помещенном Эренбургом в самой значимой – финальной – части романа о незадачливом гомельском портном Лазике Ройтшванце, который перед смертью рассказывает свою последнюю историю – именно о дудочке, – сохраняется существенный мотив бесхитростного простака. И мальчик из хасидской истории, и Лазик – идиоты (= блаженные), их простота победно противостоит учености, хрупкость – силе. Лазик в финальной сцене романа иронически описывает собравшихся в синагоге на Йом Кипур «порядочных людей», «самых умных и самых набожных евреев», лишенных простых человеческих чувств: «Этот **знает наизусть весь талмуд**, этот пожертвовал триста рублей на новый свиток, этот всегда постится, этот день и ночь молится, словом, они даже не евреи, а готовые ангелы». Эти «**умники** калялись в разных напечатанных грехах», однако «тот, кто знал наизусть весь талмуд, **не знал ни одного простого слова.** Он не мог утешить какого-нибудь горемыку, не мог приласкать ребенка, не мог посмеяться в праздник с бедняками... И тот, кто молился, не умел прощать. И тот, кто постился, не умел накормить голодного» [Эренбург 2002, 92].

Здесь очевидно важнейшее для хасидизма контрастное противопоставление учености, ума бесхитростной простоте, которая оказывается значительно более высокой ценностью. Бешт у Эренбурга молится со скорбью на лице, ощущая всю тяжесть грехов собравшихся: «Он же не просто умник, он видит сердца евреев. Он берет на руки их грехи, и у него опускаются руки: таких грехов никто не выдержит». Поступок ребенка оценивается устами собравшихся в

³ Ср. мотив дудочки в руках Музы в одноименном стихотворении 1924 г. А. Ахматовой.

синагоге в скорбной тишине как «полное неприличие», «безобразие» и вызывает их возмущение: «Куда только не пролезают разные нищие нахалы?». Бешт прерывает свою молитву, чтобы вступить за мальчика («Оставьте этого ребенка! Если он хочет дуть в дудочку, пусть дует»), а затем объясняет:

Было темно на небе, и там шла смертельная борьба. Ваши грехи весили столько, что их не могли перевесить никакие покаянные слезы. Бог закрыл себе уши... Бог не слышал больше моих молитв. Но вот раздался крик этого ребенка. Он дунул в дудочку, и Бог услышал. Бог не выдержал. Бог улыбнулся... Это же была такая глупая забава, ровно за пять копеек, и это было такое неприличие в великий пост!.. Но я скажу вам одно, умные евреи, вовсе не ваши доводы и не мои молитвы спасли наш город, нет, его спасла жестяная дудочка, один смешной звук от всего детского сердца... Поглядите скорее, как этот Иоська улыбается! [Эренбург 2002, 92].

Мотив улыбки в хасидских легендах этого круга (заслышав мелодию дудочки, улыбается суровый Бог, улыбается Бешт) и у заимствовавшего его Эренбурга противостоит унылой серьезности окружающих. Такова и улыбка Лазика – хасидская радость жизни контрастирует с его приближающейся смертью: «Я начинаю кончаться..., но на моем лице самая отъявленная улыбка. Я улыбаюсь, потому что я, все-таки, думаю о самом высоком» [Эренбург 2002, 91].

Рецепцию мотива дудочки, как и трансформацию его семантики, можно обнаружить и в значительно более поздних текстах, в частности у Александра Галича. Подвергаясь гонениям в начале 1970-х гг., он обращается к этому мотиву в поисках спасения, признаваясь, что ранее ему было не до различения звука этой дудочки:

В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пень дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не смог.

Попад в опалу, «поставленный на правёж»⁴, поэт обретает спасение именно в воспоминании о звучании этой дудочки, дарующей ему и способность улыбаться:

⁴ В 1972 г. Галича исключили из Союза писателей и из Союза кинематографистов.

И тогда, как свеча в потемки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.
И застыли кривые рожи,
Разевая немые рты,
Словно пугала из рогожи,
Петухи у слепой черты.
И отвесив, я думал, – дерзкий,
А на деле смешной поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон⁵.
В жизни прежней и в жизни новой
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

(А. Галич. Мальчик с тростниковой дудочкой⁶. 1972
[Галич 1999])

Как свидетельствует Сергей Чесноков, Галич «выжил потому, что всей душой всю жизнь искал опоры и поддержки в таинстве, которому причастен мальчик с дудочкой тростниковой» [Чесноков 1997].

Следующей трансформацией заимствованного в хасидской легенде мотива дудочки в XX в. стало ее превращение в символ сопротивления искусства. Для этой новой реинкарнации показателен тот факт, что передача Ивана Толстого на радио «Свобода» от 11 марта 2018 г., посвященная 50-летию знаменитого фестиваля бардовской песни в новосибирском Академгородке, закончившегося громким идеологическим скандалом, называлась «Тростниковая дудочка, или Миф “Интеграла”». По свидетельству участников фестиваля, в котором принимал участие А. Галич, «для советского гражданского общества это было еще только начало, колыбель свободы, правда, незабываемая», «ощущение свободы, раскованности подпитывало всю идею съезда бардов, фестиваля песни или праздника песни». «Люди, которые были на концерте Галича, говорят: мы боялись, что сейчас войдут в зал и всех нас арестуют. Да, это правда, но и Галич боял-

⁵ В 1974 г. Галич эмигрировал.

⁶ Варианты названия: «Песня о дудочке», «Песня, посвященная моей матери».

ся... Но просто этот совместный акт освобождения, я считаю, что-то оставил в головах, в умах и в душах» [Толстой 2018].

Превращение вещи (дудочки) в разного рода символы, трансляция этого мотива на протяжении весьма длительного времени, его рецепция у писателей и поэтов, знакомых с еврейской традицией, и метаморфозы смысла, как представляется, свидетельствуют о семантической многослойности хасидского предания и его потенциале.

Литература и источники

- Бубер 1997 – *Бубер М.* Хасидские предания. Первые наставники / Пер. под ред. П.С. Гуревича и С.Я. Левит. М., 1997.
- Бубер 2006 – *Бубер М.* Хасидские истории. Первые учителя / Пер. с англ. и нем. М. Хорькова, Е. Балагушкина. М., 2006.
- Галич 1999 – *Галич А.* Облака плывут, облака / Сост. А. Костромин. М., 1999.
- Толстой, Векслер 2018 – *Толстой И., Векслер Ю.* Тростниковая дудочка, или Миф “Интеграла” // Радио Свобода. 2018. 11 марта. <https://www.svoboda.org/a/29090646.html>
- Шивхей Бешт 2010 – Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову] / Науч. ред., сост. и примеч. И. Лурье, М. Яглом; пер. с иврита М. Кравцова. М., 2010.
- Чесноков 1997 – *Чесноков С.В.* Двадцать лет спустя // Новое русское слово. 1997. 13 декабря. – http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=422
- Эренбург 1966 – *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 8. Кн. 1, 2, 3. М., 1966.
- Эренбург 2002 – *Эренбург И.* Бурная жизнь Лазика Ройтшванца (1927). СПб., 2002.

A Thing – and a Symbol: Plot’s Migration and Transformation

Victoria Mochalova

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

ORCID ID: 0000-0002-3429-222X

Ph.D. Philology, Head of the Judeo-Slavic Center

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: vicmoc@gmail.com

Abstract: The article discusses the transformation of a thing (pipe) into a symbol, the translation of this motive, its reception and metamorphoses of meaning. In the cycle of Hasidic stories associated with the Baal Shem Tov (Besht), there is a whistle-pipe motive, played by an unconscious boy, as if violating the holiness of the holiday Yom Kippur, but receiving approval from Besht and the “smile of God.” Erenburg includes this story in the significant ending of his novel “The Stormy Life of Lazik Roitschwanets” (1927) about the unlucky but “holy” simpleton. In the understanding of Peretz Markish, a pipe from this story is a general symbol of art, for Alexander Galich, it becomes a symbol of salvation, and for the bards of the 1960s – the resistance of art.

Keywords: *Hasidic history, I. Erenburg, P. Markish, A. Galich*

References:

- Buber, M. 1997. *Khasidskie predaniia. Pervye nastavniki*, translated and edited by P.S. Gurevich and S.Ya. Levit. Moscow.
- Buber, M. 2006. *Khasidskie istorii. Pervye uchitel'ia*, translated by M. Khorkov and E. Balagushkin. Moscow.
- Chesnokov, S.V. 1997, December 13. Dvadtsat' let spustia. *Novoe russkoe slovo*. http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=422.
- Erenburg, I. 1966. *Liudi, gody, zhizn'*. Vol. 8. Moscow.
- Erenburg, I. 2002 (orig. 1927). *Burnaia zhizn' Lazika Roitshvanetsa*. St. Petersburg.
- Galich, A. 1999. *Oblaka plyvut, oblaka*, edited by A. Kostromin. Moscow.
- Lurye, I., M. Yaglom, eds., and M. Kravtsov, trans. 2010. *Shivkhei Besht [Khvaly Israeliu Baal'-Shem-Tovu]*. Moscow.
- Tolstoy, I., and Yu. Veksler. 2018, March 11. Trostnikovaia dudochka, ili Mif “Integrala”. *Radio Svoboda*. <https://www.svoboda.org/a/29090646.html>.